

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО ВПЛОТЬ ДО УСТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЦЕРКВИ

Адольф Гарнак

Введение

Христианство как религия в собственном смысле слова не заключало в себе ничего, что должно было бы казаться недопустимым для римского государства. Напротив, после того как государство выработало себе известный *modus vivendi* по отношению к иудейской религии, представлялось, по-видимому, нетрудным найти таковой же по отношению к религии христианской, так как последней не были присущи многие из элементов, по преимуществу восстанавливавших государство против иудейства.

Исключительность христианской религии и ее организация в форме Церкви не являлись сами по себе чем-либо недопустимым. Они сделались недопустимы вследствие того, что христианство предъявило свои права на все население римского мира и соответственно этому стремилось охватить

всю Империю своей церковной организацией. Лишь когда к этой организации и к исключительности присоединился универсализм, христиане представились и с точки зрения римской государственности действительно сделались врагами государства.

Мирное соглашение на почве античного и национально-го государства было невозможно, т. е. это государство не могло, оставаясь самим собой, признать Церковь. Но в III столетии с ним, и совершенно независимо от разрушительной работы Церкви, совершилось превращение: оно утратило последние оставшиеся в нем национальные элементы и на деле перестало быть Римским государством. Церковь же в течение III в. выработала действительно универсальную организацию. Однако в этом не было еще прочного залога ее успеха, так как Церковь не может существовать без поддержки. Она может держаться во враждебном ей государстве, но не в государстве распавшемся. Даже враждебное государство дает ей необходимую поддержку; упадок государства влечет за собой ее падение, потому что главным образом из государства почерпает она силы для своей универсальной организации.

Диоклетиан нашел государство в состоянии распада. Он создал его заново; хотя это было не прежнее, но тем не менее настоящее, централизованное государство. Это новое государство походило на Церковь в том отношении, что подобно ей уравнивало население, не будучи связано отныне с единой господствующей народностью. За созданием этого государства должно было последовать уничтожение Церкви. Гонения Диоклетиана, Максимиана, Галерия и Максимиана Дазы являются наиболее ревностными и длительными из всех, перенесенных Церковью; но последняя выказала в

этой борьбе свое превосходство. Можно сказать, что она вышла из борьбы не ослабленной. Новое вненациональное государство также не смогло справиться с теократией Церкви, как и прежнее полунациональное. Такое положение застал Константин и сделал единственное, что возможно было сделать: соединил вместе диоклетиановскую Империю и Церковь. Последняя была слишком могущественна, чтобы соединение могло осуществиться в форме ее подчинения государству. Являлась, по-видимому, неизбежной сложная система взаимного подчинения и преобладания; такая система и имеется на деле не только в создании Грациана и Феодосия, но уже и в том, что сделано Константином. В целом ряде областей общественной жизни Церковь является подчиненной государству, но в ряде других она оказывается господствующим и руководящим элементом. Необходимо было установить равновесие, и надо думать, что до известной степени оно было достигнуто и удержано. Но при таком порядке, в силу самой природы вещей, постоянно существует для государства — не для Церкви — опасность лишиться авторитета и подвергнуться распадению. Признавая божественную миссию Церкви в области общественного строя, государство тем самым уже отрекается от власти. Все, что оно может в таком случае противопоставить «божественному» праву Церкви, окажется слишком слабо и недействительно. Разбитое на почве *идеи*, отстаивая свое суверенное *право* путем вымученной софистики, государство не имеет другой опоры, кроме полиции и армии. Господствовать над Церковью может только такой властитель, которому удастся не формально, а фактически стать во главе ее. Но тут дело возвращается к исходному пункту: Церковь исчезает как самостоятельная величина. Можно сказать, что так же исче-

зает и государство; место обоих занимает своего рода теократия, которую можно по желанию назвать оцерковленным государством или огосударствленной Церковью. Весь христианский Восток, т. е. все области, принадлежащие Восточной церкви, находятся в таком положении, и последнее лишь упрочено было вторжением и водворением ислама. Самостоятельные государственные и национальные точки зрения там до такой степени заглушены, что вопросы исповедания являются определяющими и решающими. Перемена веры равносильна там перемене национальности; человек является прежде всего не турком, греком, армянином, но или мусульманином, или православным, или членом Армянской церкви. Только вследствие исключительного обаяния Римского апостольского престола роль Церкви на Западе кажется более значительной. В действительности ее власть гораздо слабее. На Западе снова развилась независимая государственная власть, и национальности как таковые — независимо от исповедания — получили значение могущественных факторов. Теократический строй установился только на Востоке; на Западе политическая жизнь слагается в значительной степени из взаимоотношений между Церковью, с одной стороны, и элементами государственности и народности — с другой.

Но эти фазы развития лежат за пределами настоящего изложения. Оно должно ограничиться рассмотрением тех трех столетий, завершением которых является константиновская система обоюдостороннего подчинения государству Церкви и государства Церкви, господствовавшая в течение последующих веков.

I

Возникновение правового развития Церкви

Время возникновения правовых норм Церкви.

Вступить в столкновение с государством Церковь может только в том случае, если она нарушает правовые установления государства или вырабатывает собственные, идущие вразрез с установленными государством. С какого времени началось правовое развитие Церкви? Как религия в строгом смысле слова, христианство, в силу своего чисто духовного, внутреннего, внемирового характера, не могло породить никаких правовых норм или могло создать только нормы чисто сакральные. Тем не менее, уже в очень раннюю пору являются в нем правовые элементы. Как они возникли?

Иисус. Происхождение их, по-видимому, невозможно свести к одному источнику, и совершенно несостоятельно было бы выдвигать как исходный пункт какое-либо предписание Иисуса — даже если бы те изречения, на которые обыкновенно ссылаются, оказались более надежными, чем они есть на самом деле. Приводимые чаще всего места: *Мф.* 16, 18 и 18, 17 — единственные, где в устах Иисуса встречается слово «Церковь», — не могут быть признаны подлинными. Если даже признать подлинными слова *Мф.* 16, 18, из них нельзя вывести ничего, что можно было бы рассматривать как начатки правового развития Церкви, так как слова эти относятся исключительно к личности Петра и притом совершенно не касаются области права, какое бы широкое значение ни придавать этому понятию. Приблизительно то же самое надо сказать о тексте *Ин.* 21, 15–17. И здесь дело касается только Петра, и ничто не указывает на то, чтобы обещанное

ему впоследствии должно было распространиться на других. Да и ему не дается никаких прав, а лишь возлагается на него обязанность, из которой, конечно, можно вывести различные права, но без всяких оснований. Слова *Мф.* 18, 17 несомненно приписывают Церкви, т. е. собранию верующих, известную дисциплинарную власть вплоть до права отлучения. Но, как указано, они исходят не от Иисуса, а от собрания верующих. Остаются только, по существу, тождественные места *Мф.* 16, 19; 18, 18 и *Ин.* 20, 23. Здесь предоставляется апостолам, в частности Петру, власть вязать и разрешать грехи. Эти места также заподозрены критикой; но и подлинность их возможна. Однако отпущение грехов, в силу внутренней своей сущности, не имеет ничего общего с областью права; чтобы придать ему правовой характер, необходимо привхождение извне правовых элементов. Следовательно, и эти слова не пригодны к тому, чтобы послужить исходным пунктом правового развития Церкви.

Действительные исходные пункты правового развития Церкви. Действительные исходные пункты нужно искать в складе древних христианских общин. Обратившись к этой области, приходится сделать то же наблюдение, что и относительно множества начатков других церковных установлений. Почти с первого момента они являются крайне сложными вследствие того, во-первых, что Церковь не представляет собой чего-либо во всех отношениях нового, но оказывается отчасти перерождением древнейших образований; во-вторых, потому что она с самого начала охватывает жизнь во всем ее объеме, налагая на нее свой отпечаток; наконец, вследствие того, что она выступила в эпоху высокой культуры, продукты которой частью были ей противны и враждебны, частью полезны и желанны.

Церковь была порождением иудейской Церкви и синагоги; этим объясняется как самое стремление к выработке известных правовых норм, так и выработанные ею формы.

Создавая рамки для всей совокупности жизни и мысли верующих, равно как и для их общественных взаимоотношений, они стремились установить во всем строгий порядок. Для этого было необходимо создание правовых норм.

Церковь оказалась лицом к лицу с высококультурным государством и с самого начала не могла занять определенного положения по отношению к праву этого государства. Если бы она просто признала это право, ее собственное правовое развитие имело бы место лишь в очень ограниченных пределах; наоборот, подвергнув это право огульному отрицанию, она была бы им раздавлена. Правовое развитие в самой Церкви оказалось возможным только благодаря сложности ее отношений к государству, только в силу того, что она одновременно подчинялась ему и боролась с ним, отвергала его и брала с него пример.

Таким образом, вскрыты три основные корня будущего церковного права; спрашивается, как относятся они к отдельным областям права? Распределяются ли они по этим областям определенно и ограниченно? Вопрос этот приходится решить отрицательно. Указанные начала действовали скорее всего параллельно, взаимно усиливая друг друга.

Церковь можно упрекнуть в том, что ее правовые установления ослабляли государство по мере того, как распространялась ее власть. Но не следует забывать того, что дала Церковь государству, ограничивая его. Союз христианской Церкви и государства поднял человечество на высшую ступень развития. Этот союз впервые признал в человеке человека и открыл историческому развитию те цели, к которым